

DOI: 10.15643/libartrus-2015.6.2

Бытование интертекстом с омокомплексом «оно» в русском дискурсе начала XX века

© А. Н. Моргунова

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
Россия, 443099 г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.*

Email: a595282@rambler.ru

В статье прослеживается стилистическая реализация бытования омокомплекса «оно» в русском дискурсе начала XX века. Исследованию подвергается прием синтаксической антиципации, в состав которой входит омокомплекс «оно», в котором заложена многовариативность толкований. В центре внимания автора статьи функционирование интертекстом с омокомплексом оно в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, З. Гиппиус, А. Белого. Приводятся различные литературоведческие трактовки фразы «Оно пришло» романа «История одного города», которые зависят от историко-культурного контекста прочтения произведения. Прослеживается влияние финала произведения Салтыкова-Щедрина на творчество русских писателей XX века. Автор статьи обращает внимание, что звуковые повторы слов, оканчивающихся на -о, выполняют в тексте Гиппиус изобразительную, игровую, лейтмотивную и смысловую функции. Звукобуквенный миметизм обнаруживается и в творчестве А. Белого, который продолжает развивать тему апокалипсиса, традиционную для русской литературы, начатую М. Е. Салтыковым-Щедриным. Отдельное внимание уделено примерам из поэтического творчества З. Гиппиус, когда звучание омокомплекса «оно» приобретает социальное звучание, развивая в образе мотивы быстроты, стремительности и угрозы, связанные с историческими потрясениями начала XX века.

***Ключевые слова:** интертекстема, омокомплекс оно, звукобуквенный миметизм, оно З. Гиппиус, оно А. Белого.*

Предметом исследования статьи является стилистическая реализация бытования омокомплекса *оно* в русском дискурсе начала XX века как важнейшая составляющая его бытования. Будучи самым абстрактным среди местоимений третьего лица и соотносимым с широким спектром денотатов и имен существительных (конкретных и абстрактных, личных и неличных, одушевленных и неодушевленных), омокомплекс *оно* выполняет различные стилистические задания, такие, как: прием синтаксической антиципации; актуализация интертекстом; прием звукобуквенного миметизма; прием «эксплуатации гендерного начала» в прономинативе; языковая игра при творческом разрушении фразеологизмов, актуализация иронии. Задача исследования – анализ стилистических функций, выполняемых омокомплексом *оно*.

Полагаем, что прием синтаксической антиципации, в состав которой антиципирующим компонентом входит омокомплекс *оно*, изначально закладывает многовариативность толкований. Различные толкования соотносятся с проблемами, актуальными для того или иного времени. Это обстоятельство способствовало образованию соответствующей интертекстеми. Под интертекстемой исследователи понимают наименьшую единицу интертекстуальных отношений, «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной струк-

туры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи» [12, с. 317].

Интертекстемами могут быть цитата, реминисценция, аллюзия. Применительно к нашему материалу интертекстемой является цитата *Оно пришло*; и единицы омокомплекса *оно*. Как было показано выше, интертекстема функционирует внутри художественного пространства М. Е. Салтыкова-Щедрина: *оно* в финале романа «История одного города» (1869–1870) и в «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872). Наше обращение к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина обнаружило, что омокомплекс *оно* употребляется мастером слова не только в вышеназванных случаях, но и во многих других; проявляет себя во всем многообразии. См. пример употребления *оно* в составе фразеологизованного высказывания:

[О разведении птицы в помещичьем хозяйстве] *Птица требует особой и притом определенной дачи корма. «Так вот ты и увидишь, батюшка, во что оно тебе вскочит!» – говорила мне по этому случаю добрая моя знакомая, г-жа Падейкова. Да, и увидел; и вскочило* (М. Салтыков-Щедрин. В деревне. Летний фельетон, 1863).

В приведенном примере омокомплекс *оно* – синкретичное образование, сочетает признаки частицы и местоимения; двусоставное предложение фразеологизовано, сказуемое – десемантизировано, является глаголом с безличным ЛСВ. Покажем многообразие и «игру» омокомплекса *оно* на материале «Фантастического отрезвления»:

(1) *Собрались однажды пошехонцы в том самом месте, где во время оно, по свидетельству Костомарова, у них «северные народоправства» происходили и где впоследствии, по совету «Московских курантов», выстроен был съезжий дом с соответствующей каланчей.*

(2) *Выходило так, что непременно нужно общество пошехонское оживить. Не потому, чтоб этого требовал интерес казны, а потому, что, по обстоятельствам, избежать этого невозможно.*

– *Коли мы общество не оживим, так оно само себя оживит, – развивал свою мысль проворный пошехонский публицист, – потребность такая в нем народилась, и ничего ты с ней не поделаешь.*

В (1) *оно* – в составе фразеологизма *во время оно* в значении ‘очень давно’; в (2) *оно* – местоимение, соотносится с препозитивным существительным *общество*.

(3) *Прежде этого не бывало, а нынче спят-спят пошехонцы, да вдруг и проснуться. Так уж пусть лучше мы сами их оживим... в пределах. Пускай друг дружку пощупают, вреда от этого не будет! – Ты говоришь: «в пределах» – а вдруг оно за пределы поехало? – На этот предмет, ваше высокоблагородие, пожарную трубу в готовности содержать надлежит* (М. Салтыков-Щедрин. Фантастическое отрезвление, 1884).

В (3) – диффузное употребление омокомплекса *оно*. Значительное расстояние от препозитивного существительного *общество*, метафорический план высказывания и эзопов язык, который употребляют стратеги порядка среди пошехонцев, не позволяют однозначно признать, что *оно* соотносится с существительным *общество*. Напротив, метафорический план высказывания предрасполагает квалифицировать как переносное употребление высказывания *оно за пределы поехало*. В таком случае глагол *поехать* актуализирует безличный лексико-семантический вариант. Омокомплекс *оно* – синкретичное образование, которое сочетает в себе признаки трех частей речи: местоимения, местоименного существительного и частицы. Рамки ис-

следования не позволяют подробно остановиться на характеристике омокомплеса *оно* в художественном пространстве М. Е. Салтыкова-Щедрина, это может стать темой специального исследования. Однако следует констатировать, что в творчестве этого писателя омокомплекс *оно* показывает разные грани своей синкретичной природы, актуализирует сложное многоголосие функциональных омонимов и синкретичных образований.

В целом, омокомплекс *оно* в несвязанном употреблении и в составе фразеологизма *Оно пришло* продолжил бытование в русской литературе, приобрел статус интертекстем. Финал романа М. Е. Салтыкова-Щедрина оказал значительное влияние на творчество российских писателей-символистов З. Н. Гиппиус, А. Белого.

Во вступительной статье к сочинениям З. Н. Гиппиус К. Азадовский и А. Лавров отмечают: накануне революции, в январе 1917 г., Гиппиус ощущала, что в революции могут открыться две ипостаси – «Она», средоточие всех ее упований, и «Оно, нечто «гибло-ужасное» и «бесплодное». Постепенно обличье этого «Оно» вырисовывается для нее в набирающем силы большевизме, провоцирующем на бунт – «бессмысленный и тупой» [1, с. 40].

К. Азадовский А. Лавров указывают, что Оно – образ из заключительной главы «Истории одного города» (1870); «Полное гнева, о н о неслось, буровя землю, грохоча, гудя и стенья... О н о близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой» [10, с. 432].

Под впечатлением от образа М. Е. Салтыкова-Щедрина З. Н. Гиппиус пишет стихотворение «Октябрь 1905»:

*Побежало тесно, тучно,
Многоногое О н о.
Упоительно – и скучно.
Хорошо – и все равно.
И слежу, гляжу, как тучно
Мчится грозное О н о.*

Мы видим в энтимеме *оно* развитие образа, предложенного писателем XIX в. Повторяется мотив быстроты, стремительности, нарастающей тучи; повторяются коннотации опасности и угрозы: (*грозное Оно*). *Оно* в стихотворении – местоименный субстантиват, так как 1) представлено неизменяемой формой; 2) содержит согласуемое необособленное определение (определения чередуются: *многоногое оно; грозное оно*). Факт чередования определений влечет трансформацию образа, который рисуется то как человеческая толпа, то как природная неуправляемая стихия.

Заметим, что начало стихотворения предлагает внутренний мир лирического героя: *Все затерто, все забыто / В тайне мыслей пуста...*

Развитие стихотворения передает зооморфный образ: *Только слушаю копыта, / Шум да крики у моста.*

Вместо зрительного ряда З. Гиппиус предлагает звуковой ряд, оставляя читателю зрительную лакуну как возможности самостоятельной интерпретации.

В другом стихотворении 1905 года «Заклинание» З. Н. Гиппиус делает акцент на опасности бессмысленного бунта, неуправляемой толпы:

*Разломись, **О н о**, проклятьем цельное!
Разлетайся, туча исступленная!
Бейся, сердце, каждое, – отдельное,
Воскресай, душа освобожденная!*

В этом употреблении омокомплеса *оно* образ *оно* приобретает социальные черты. В антитетичных образах цельной толпы и отдельной души утверждается преимущество свободы отдельной души.

Стихотворение 1919-го года названо неологизмом субстантиватом «Красноглазое»:

Схватило, заперло, оставило

Многоголовое Оно.

В холодной келье замуравило

Мое последнее окно.

В стихотворении вновь употреблен омокомплекс *оно* местоимение-существительное: 1) *оно* представлено неизменяемым словом; 2) с ним употребляется согласованное необособленное определение (*многоголовое оно*). Образ красноглазого *оно* содержит определение, которое поддается множественной интерпретации: с одной стороны, *красный* как социальный маркер, символ революции, Красной Армии; с другой стороны, это зооморфная метафора многоголового, красноглазого хищника, ср.:

Я помню, как однажды Керенский, говоря со мной по телефону после какой-то очень грубой ошибки думских лидеров, на мой горестный вопрос «что же теперь будет?» отвечал: «будет то, что начинается с а...», т. е. анархия; т. е. крах. «Оно» (З. Гиппиус. Дневники. 1914–1928);

Стихотворение З. Н. Гиппиус «Красноглазое» примечательно фактом концентрации слов, оканчивающихся на *-о*, в синтагматическом отрезке, в котором разворачивается тема *оно*. Более того, З. Н. Гиппиус подбирает слова с максимальным количеством букв *о*, которые, как бы на графическом уровне повторяют тему *оно*, бесполой, аморфный, округлый и страшный образ. Так, в строке, содержащей *оно*, 8 слогов, из них 7 слогов состоят из гласной буквы *о*. В данном примере имеет место звукобуквенная организация текста.

Как известно, нарочитые звуковые повторы являются фигурами речи [5, с. 260–261]. Названные фигуры речи выполняют в художественном тексте следующие функции: 1) изобразительную (в другой терминологии, миметическую, имитативную, звукоподражательную); 2) лейтмотивную; 3) игровую (в скороговорках); 4) смысловую, см. [5, с. 260–261]. Однако современные исследователи звуковых повторов предупреждают, что следует различать звуки и буквы, в противном случае можно обнаружить в тексте «то, чего нет» [5, с. 263].

В. П. Москвин убедительно показывает, что «к примеру, ассонанс на [о] в следующем двустишии: *Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской Едет мой милой с колокольчиком*. Такое произношение реально лишь в «окающем» диалекте и вряд ли возможно в «акающей» Москве» [5, с. 263]. Безусловно, во многих лингвистических примерах художественных текстов ассонанс на [о] не оправдывает своей квалификации, поскольку безударные [о] в литературном языке не способны породить данный звуковой повтор.

Применительно к нашему языковому материалу также неоправданным было бы говорить о звуковых повторах, в частности, об ассонансе на [о]. Но поскольку современные тексты ориентированы преимущественно на письменное восприятие, то правомерно обратиться к термину «звукобуквы» в понимании А. П. Журавлева [4].

При таком понимании будет корректным говорить о звукобуквенных повторах в текстовых сегментах. Полагаем, что звукобуквенные повторы в письменном тексте при визуальном восприятии способны выполнять сходные со звуковыми повторами функции.

Дадим такой стилистической организации рабочее название «звукобуквенный миметизм» (слово *миметический* имеет значение ‘подражательный, сходный’). Звукобуквенный

миметизм звукобуквы [о] обнаружен в текстах самых различных характеристик (художественных поэтических и прозаических, форумной интернет-коммуникации), это свидетельствует о верифицирующей силе обнаруженного нами стилистического приема.

Пример звукобуквенного миметизма нами обнаружен и в текстовом сегменте, содержащем омокомплекс *оно* в произведении А. Белого:

[О безмирной женщине в черном, с лицом, окаменевшем в вечной скорби] *Так она стояла среди росистых могил, кое-где подмигивающих огоньками, шепча еле слышно: «Вот **оно**, Господи, одно, одно, одно!..»* (А.Белый. Симфония, 1901).

В романе А. Белого «Записки чудака» (1922) также находит свое бытование интертекста *оно*:

Не «я», а «о н о» – роковое «оно» во мне жило теперь, переживая весь мир, опрокинутый в агонию, «о н о» воцарилось во всем и во всех; и гремело с границы, где разговоры, перебегая друг друга, сливались в густую, пустую, тупую, растущую ерунду:

– «Ру!..»

– «Рруу!..»

– «Рррууу!..»

Омокомплекс *оно* представлен местоимением-существительным, является неизменяемым словом, распространен согласованным необособленным определением (*роковое оно*). Можно говорить о терминологическом употреблении омокомплекса, так как единица омокомплекса представлена в текстовом сегменте в оппозиции к другому терминологическому субстантивному употреблению местоимения третьего лица *я*: *Не «я», а «о н о»*. Как и у З. Н. Гиппиус, у А. Белого развивается тема потери личности, отдельности, нарастание *густой, пустой, тупой, растущей ерунды*. Развитие темы апокалипсиса дается описательным оборотом: *мир, опрокинутый в агонию*. Тревога и опасность переданы при помощи повторяющегося согласного-вibrанта *р*. Развитие образа М. Е. Салтыкова-Щедрина, интертексты *оно* ярко представлено в следующем примере А. Белого:

Предрассветные тучи глядел: чрез сосны – от сосен; и улетали за сосны; и то, что не понял я в Англии, понял я здесь: переживания Бергена, Лейпцига, Брюсселя, Дорнаха, Лондона:- светочи, перелеты, все блески и мучения, ужасы, страхи – о н о:

– то – не т о – е г о нет, и оно – все же есть; все, что было со мной, все то было во мне: возмущение вод, буря на море, – Голос Безмолвия:

– «Жди меня». – «В мареве»... – «Жди». – Я – раздамся»:

И я отвечаю из марева: – «Душно»... – «Я – в гробе». – «Но – жду».

Масштабность описываемого, утверждение – уточнение – отрицание – отрицание отрицания, то есть гегелевская триада (*то – не то – его нет, и оно – все же есть*).

Следом за мотивом агонии идет мотив смерти (*я в гробе*), фактический план повествования затемняется метафорическим планом:

И вот – ту картину себя самого, умножаемого в миллионах шныряющих тел, наблюдал я повсюду в шинелях: тупые, глухие и животастые, всюду таскались тела, из которых стреляли в пространство, как ядрами, человечьими «я»; эти «я» вылетали из тел; и «оно» – неживое, тупое, – ходило повсюду.

Омокомплекс *оно* представлен местоимением-существительным, несклоняемым, с согласованными определениями, актуализирует противопоставление терминологического употребления (*человечьи я, эти я – оно неживое, тупое*). *Человечьи «я» личности во время первой*

мировой войны поглощаются *тупым и неживым оно* (смертью). Развитие темы *оно* в романе А. Белого завершается риторическим вопросом:

– Не выстрелила ли Россия в огромную пустоту своим «я»? Не осталось ли после выстрела мировую войною сплошное «ОНО» (не Россия)?..

Здесь уже в оппозицию «я» – «оно» вступают не личности людей и смерть, но судьба России и остальной мир (*сплошное оно = не Россия*). Подведем итог. В романе А. Белого «Записки чудака» интертекстема М. Е. Салтыкова-Щедрина находит свое развитие; играет разными гранями: актуализируется апокалиптическая тема агонии мира; терминологическое понимание *оно* как подсознательного З. Фрейда (*ужасы, страхи оно*). Интертекстема *оно* подобна употреблению *оно* из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» из предсмертного сна Андрея Болконского, в котором герой романа борется с силами смерти и прозревает ее неотвратимое приближение (*оно пришло, и оно есть смерть*). А. Белый, как и М. Е. Салтыков-Щедрин, предлагает масштабное понимание *оно*, как страшную неотвратимую стихию. Развитие образа *оно* состоит в том, что если у М. Е. Салтыкова-Щедрина *оно* возникало в России и завершало ее историю, то у А. Белого *оно* осмысливается еще трагичнее, *оно* – это не конец России, это уже не Россия.

В романе А. Белого «Москва под ударом» также представлена интертекстема М. Е. Салтыкова-Щедрина *оно*. А. Белый как основатель направления «орнаментальной прозы», то есть прозы, изобилующей средствами выразительности, но с нарочитым затемнением фактического плана повествования, пишет обобщенно и неясно:

Был же – не «он», а «ОНО»; и «ОНО» – тихо тронулось, бунт пересилив: «ОНО» – было немо; молчало, ведомое сквозь обывателей, в страхе глазающих, ринувшихся, вызывающих памятный образ былого, когда еще было «ОНО», юбиляром; тогда, как теперь, окружили и так же куда-то тащили; несение «Каппы-Коробкина» в сопровождении роя людей походило на бред бичевания более, чем на мистерию славы.

Что стоит за образом *оно*? Человеческая толпа, подобная рою насекомых. При таком прочтении актуализируется не только интертекстема *оно*, но и творческое развитие другой интертекстемы М. Е. Салтыкова-Щедрина *оно пришло: оно тронулось*. Помимо образа *оно* как опасного роя, формируется образ собирательного человека, который садится в карету:

Встал еще образ: какой-то «Коробкин», открытие сделавший мелом на стенке кареты, бежал за каретою, нав под оглоблей; карета с открытием, но без открывшего пересекала пространства безвестности, ныне ж в карету садились «ОНО», чтоб стремительно ринуться: через пространства – в безвестность.

Далее в романе актуализируется многоголосие:

Куда «оно» ринулось!

Передавали друг другу:

– В приемный покой!

– Врешь, брат, – в клинику!

– В дом сумасшедший!

Так дается характеристика «буржуазных интеллигентских сознаний». А. Белый развивает аллюзию к творчеству Ф. М. Достоевского, творчество которого проникнуто многочисленными «подмигами» персонажей:

Молчало «ОНО» с очень странным, сказали бы – с дико-лукавым задором; и – даже: с подмигом. Как будто бы всем говорило «ОНО»:

– Человекам все то – невозможно, а мне «ОНО» стало возможным.

- Я стал путем, выводящим за грани разбитых миров.
- Стало осью творения нового мира.
- Возможно мне «это»!
- Пусть всякий оставит свой дом, свою жизнь, свое солнце: нет собственности у сознания; я эту собственность – сбросило!
- Свергло царя!
- Стало – «мы»!

В последнем примере вновь актуализируется тема апокалипсиса (*разбитых миров*). По-новому подается оппозиция. В начале текстового сегмента с омокомлексом *оно* представлена оппозиция «он» – «оно»: *Был же – не «о н», а «о н о»*. Здесь актуализируется не противопоставление «я» и «оно», а новая оппозиция «оно» – «мы».

В исследовании мы пришли к следующим выводам. В творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина омокомлекс *оно* применялся многократно, в различных произведениях, показывая разные грани своей синкретичной природы, актуализируя сложное многоголосие функциональных омонимов и синкретичных образований.

Бытование интертекстом с омокомлексом *оно* в русском дискурсе обнаруживается на протяжении XX. З. Гиппиус и А. Белый одни из первых применили в художественном тексте прием звукобуквенного миметизма, который нашел свое развитие в современной русской литературе, а также проявляется в Интернет-коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К., Лавров А. З. Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество // Гиппиус З. *Сочинения: Стихотворения; Проза*. Л.: Худ. лит., **1991**. С. 148–149.
2. Бабайцева В. В. *Явления переходности в грамматике русского языка*. М.: Дрофа, **2000**. 640 с.
3. Головина Т. Н. «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: литературные параллели. Иваново: ИвГУ, **1997**. 76 с.
4. Журавлев А. П. *Звук и смысл*. М., **1981**.
5. Москвин В. П. *Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь*. Изд. 3. Феникс, **2007**.
6. Николаев Д. П. *Сатира Щедрина и реалистический гротеск*. М.: Худ. литература, **1977**. 358 с.
7. Оганесян Н. Т. *Практикум по психологии творчества*. 3-е изд. М.: ФЛИНТА, **2015**. 528 с.
8. Павлова И. Б. Роль символа «оно» в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // *Филологические науки*. **1979**. №3. С. 85–86.
9. Редькина О. В. Субстантивация как семантическое явление: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, **2003**. 22 с.
10. Салтыков-Щедрин М. Е. *Собрание сочинений в 20-и томах*. М.: Художественная литература, **1969**. Т. 8.
11. Сеничкина Е. П. Слово оно в дискурсе и художественной речи // *Русский язык в школе*. **2003**. №2. С. 81–83.
12. Сидоренко Е. Н. *Очерки по теории местоимений современного русского языка*. Киев, **1990**. 146 с.
13. Смирнов Ю. Б. Семантика и функционирование неопределенных слов со значением неопределенности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., **1985**. 19 с.
14. Строганова Е. Н. «Чужое слово» в творческом процессе (*Диалог М. Е. Салтыкова-Щедрина с предшественниками и современниками*). Тверь, **1996**. 31 с.
15. Сырица Г. С. *Филологический анализ художественного текста: Учебн. пособие*. М.: ФЛИНТА, **2015**. 344 с.
16. Федорченко Е. А. Местоименные контаминанты в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПУ, **1995**. 20 с.
17. Шведова Н. Ю. *Местоимение и его смысл*. М.: Азбуковник, **1998**. 176 с.

Поступила в редакцию 30.11.2015 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2015.6.2

Being of intertextemes with omocomplex “it” in Russian discourse of the early twentieth century

© A. N. Morgunova

*Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
65/67 Maxim Gorky St., 443099 Samara, Russia.*

Email: a595282@rambler.ru

The author focuses on the functioning of intertextemes with omocomplex “it” in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin, Z. Gippius, A. Belyi. The various literary interpretation of the phrase “it came” from the novel “The Story of a City” that depend on the historical and cultural context reading of the work are given. The author contends that the nominalized pronoun it in the lyrics Z. Gippius transforms to diffuse the image of the crowd-element that helps lyrical works in 1905 to convey a sense of danger and the meaninglessness of natural rebellion. Sound-letter mimetism is found in the works of A. Bely, the founder of the direction of “ornamental prose”, which continues to develop the theme of the apocalypse. The authors note that omocomplex “it” can be represented by a pronoun-noun. It is immutable word, distributed segregated agreed definition (it is fatal). This gives the author the opportunity to speak about the terminological use of omocomplex as omocomplex unit presented in the text segment in opposition to another terminological nominalized addicting third person pronoun: “not me” and “it”.

Keywords: *intertexteme, omocomplex “it”, sound-letter mimetism, Z. Gippius, A. Bely.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Morgunova A. N. Being of intertextemes with omocomplex “it” in Russian discourse of the early twentieth century // *Liberal Arts in Russia*. 2015. Vol. 4. No. 6. Pp. 422–430.

REFERENCES

1. Azadovskii K., Lavrov A. Z. N. Gippius Z. *Sochineniya: Stikhotvoreniya; Proza*. Leningrad: Khud. lit., 1991. Pp. 148–149.
2. Babaitseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka [3henomena of transitivity in the grammar of Russian language]*. Moscow: Drofa, 2000.
3. Golovina T. N. *«Istoriya odnogo goroda» M. E. Saltykova-Shchedrina: literaturnye paralleli [“History of one city” by Saltykov-Shchedrin: literary parallels]*. Ivanovo: IvGU, 1997.
4. Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl [Sound and meaning]*. Moscow, 1981.
5. Moskvina V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury: Terminologicheskii slovar' [Expressive means of the modern Russian speech. Tropes and figures: Terminological dictionary]*. Izd. 3. Feniks, 2007.
6. Nikolaev D. P. *Satira Shchedrina i realisticheskii grotesk [Shchedrin's satire and the realistic grotesque]*. Moscow: Khud. literatura, 1977.
7. Oganetsyan N. T. *Praktikum po psikhologii tvorchestva [Practice work on the psychology of creativity]*. 3th ed. Moscow: FLINTA, 2015.
8. Pavlova I. B. *Filologicheskie nauki*. 1979. No. 3. Pp. 85–86.
9. Red'kina O. V. *Substantivatsiya kak semanticheskoe yavlenie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Nizhnii Novgorod, 2003.
10. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii v 20-i tomakh [Collected works in 20 volumes]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1969. Vol. 8.
11. Senichkina E. P. *Russkii yazyk v shkole*. 2003. No. 2. Pp. 81–83.
12. Sidorenko E. N. *Ocherki po teorii mestoimenii sovremennogo russkogo yazyka [Essays on the theory of the pronouns of contemporary Russian language]*. Kiev, 1990.

13. Smirnov Yu. B. Semantika i funktsionirovanie neopredelennykh slov so znacheniem neopredelennosti v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, **1985**.
14. Stroganova E. N. «Chuzhoe slovo» v tvorcheskom protsesse (*Dialog M. E. Saltykova-Shchedrina s predshestvennikami i sovremennikami*) [*"Alien word" in the creative process (Dialogue of M. E. Saltykov-Shchedrin with his predecessors and contemporaries)*]. Tver', **1996**.
15. Syritsa G. S. *Filologicheskii analiz khudozhestvennogo teksta: Uchebn. Posobie [Philological analysis of literary text: textbook]*. Moscow: FLINTA, **2015**.
16. Fedorchenko E. A. Mestoimennye kontaminanty v khudozhestvennom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow: MPU, **1995**.
17. Shvedova N. Yu. *Mestoimenie i ego smysl [Pronoun and its meaning]*. Moscow: Azbukovnik, **1998**.

Received 30.11.2015.